

ЛИББА БРЭЙ

ЛИББА БРЭЙ

ЛОГВО
СНОВ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б89

Libba Bray
THE LAIR OF DREAMS

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc. и Nova Littera SIA

Дизайн обложки Екатерины Климовой

Брэй, Либба.

Б89 Логово снов : роман / Либба Брэй; пер. с английского А. Осипова. – Москва : Издательство АСТ, 2017. – 672 с. – (Невидимый город)

ISBN 978-5-17-092940-5

После того, как Эви обнаружила у себя необычные способности и помогла остановить опасного убийцу-маньяка, ее превозносят на страницах газет и журналов. Но не всем по душе провидцы и их удивительные таланты...

Тем временем на Нью-Йорк обрушилось новое бедствие — смертельная сонная болезнь. Жертв ее становится все больше и больше. Город на грани паники... Теперь вся надежда на Эви, которой предстоит отправиться в царство снов на поиски истоков зла.

УДК 821.-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-092940-5

Text copyright © Martha E. Bray, 2014
© А. Осипов, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Посвящается Альвине и Крейгу.

Настоящая любовь — вот лучшее, что есть
на свете. Конечно, кроме леденцов от кашля —
это все знают.

*Уильям Голдман
«Принцесса-невеста»*

*А еще — Алексу Хиллиану, 1970—2013.
Сладких снов, Сенатор*

Не может быть такого, чтобы я не спал, —
все выглядит не так, как раньше. Или это я наконец
проснулся, а все, что прежде, было скверным сном.

Уолт Уитмен

Верить в сны — значит всю свою
жизнь провести во сне.

Китайская пословица

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

День первый

Город под городом

Нью-Йорк, 1927 год

Всякий город — призрак.

Новые здания вздымаются на костях старых, так что каждая сияющая стальная балка, каждая кирпичная башня хранит в себе воспоминания прошлого — стаю эдаких архитектурных привидений. Иногда эти прошлые воплощения города вдруг мелькнут перед глазами в странном повороте улицы или в филигранных воротах; в древней дубовой двери, глядящей с современного фасада; в табличке, напоминающей, что здесь когда-то было поле битвы, которое потом превратилось в бар, а потом, представьте себе, в парк.

И под землей — все то же самое.

Город растет и ниже улиц. Рельсы вгрызаются в Бруклин, в Квинс, в Бронкс. Тоннели сокращают расстояние между возможным и невозможным — слишком уж много народу нужно доставить из пункта А в пункт Б, так что амбиции города не заканчиваются на уровне земли. Вой отбойных молотков и лязг мотыг серенадами славят рабочих, без усталости долбящих камень для нового рукава подземки. Пот намертво приштукатуривает к людям каменную пыль, слой за слоем, — так что и не скажешь, где заканчивается человек и начинается мрак. Молот то откусывает породу по кусочку — тяжелая

это работа, монотонная, — то вдруг слишком быстро проламывается сквозь скалу.

— Глядите! Скорее глядите!

Целая земляная стена рушится на глазах; рабочие кашляют и кашляют, задыхаясь в спертom воздухе. Один, ирландец по имени Патрик, из иммигрантов, вытирает взмокший лоб грязным рукавом и таращится в громадную дыру, оставленную буром. На другой стороне высятся ворота из кованого железа, насквозь проржавевшие — один из призраков минувших времен. Патрик светит сквозь прутья ручным фонариком, и ржа вдруг вспыхивает цветом, будто высохшая кровь из старой раны.

— Я — туда, — говорит он и ухмыляется остальным. — Может, там есть чем поживиться.

Он хватается за створку и тянет, и ворота с визгом открываются, и вот в забитую пылью нору, в забытый кусок городского прошлого уже набивается целая толпа. Ирландец аж присвистывает, когда луч фонаря принимается скакать по залу, похожему на склеп, высвечивая то деревянные панели, посеревшие от паутины, то мозаику изразцов, почти неразличимую под наслоениями сажи, то люстру, опасно болтающуюся на оборвавшейся цепи. Наполовину погребенный под кучей земли, рядом стоит вагон. Колеса, ясное дело, неподвижны, но выглядит он в темноте так, что кажется, будто слышишь слабый вой металла, трущегося о металл, словно до сих пор висящий в здешнем законсервированном воздухе. В луче света поблескивают рельсы, убегающие назад, в мертвый тоннель. Люди подтягиваются ближе и вглядываются во мглу — это как глядеть в отверстую пасть ада, где рельсы вместо языка. Тоннель уходит в бесконечность, но тьма своих тайн выдавать не расположена.

— И что у нас там такое? — спрашивает вполголоса Патрик.

— Подпольный бар с бухлом, — говорит другой рабочий, Майкл, хихикая.

День первый

— Шикарно. Я бы, пожалуй, уговорил стаканчик, — балагурит Патрик, пробираясь внутрь и все еще надеясь на какой-нибудь забытый клад.

Остальные тянутся за ним. Все они — незримые труженики города, его зодчие, сами подобные призракам — чего им бояться тьмы?

Один только Сунь Ю мнется на пороге. Темноту он на самом деле ненавидит... но работа ему нужна, а когда ты китаец, работа на дороге не валяется. Он и так-то сюда попал только потому, что делил конуру без горячей воды с Патриком и еще несколькими парнями у себя, в Чайнатауне, и ирландец замолвил за него словечко боссу. Не стоит лишний раз привлекать к себе внимание... так что он тоже лезет в дыру. Пробираясь через кучи осыпавшейся земли и кирпича на путях, он вдруг обо что-то спотыкается. Патрик рыщет по рельсам фонариком и высвечивает прехорошенькую музыкальную шкатулку с заводной ручкой сверху. Он поднимает игрушку и невольно любуется работой — таких уже больше не делают. Он поворачивает рычажок на цилиндре, и изнутри тренькает нота за нотой. Патрик это уже явно слышал, песенка из старых, да вот только никак не вспомнить...

Он подумывает взять шкатулку с собой, но почему-то кладет назад.

— Давайте-ка глянем, что тут еще за сокровища спрятаны.

Патрик рыщет лучом во все стороны — и тот вскоре натывается на костяную ногу. Под закругленной стеной лежит высохшее тело, почти сожранное гнилью, крысами и временем. Разговоры тут же стихают. Все молча таращатся на клочья волос, истончившихся до подобия сахарной ваты, на рот, раззявленный, словно в последнем крике. Несколько рабочих крестятся. Конечно, они многое оставили позади, чтобы приехать в эту страну, но за любимые суеверия обычно держишься до последнего.

Сунь Ю очень не по себе, да только в его английском слов не хватает, чтобы выразить такие чувства.

Эта женщина явно плохо кончила, очень плохо. Дома, в Китае, он бы непременно прочитал над ней молитвы, устроил бы правильные похороны — всем известно, что без этого дух не упокоить. Но тут-то Америка — у них все по-другому.

— Плохая примета, — говорит он наконец, и никто с ним не спорит.

— Точно. Пошли отсюда, парни, — заключает Патрик с тяжким вздохом.

Все лезут обратно через дыру. Закрывая ворота, Патрик с сожалением окидывает взором раскопанную станцию. Скоро от нее ничего не останется, снесут до основания, чтобы дать дорогу новым артериям подземки, — городу ведь нужно расти. Прогресс, видишь ли, не остановить.

— Безобразие, — бросает он в сердцах.

А секунду спустя тонкое зудение бурильных молотков снова вплетается в неумолкающий грохот поездов: песнь города эхом разносится по тоннелям. Внезапно рабочее освещение меркнет. Все замирают. По тоннелю проносится порыв ветра, почти ласково касаясь их взмокших лиц. Он несет затихающий плач... и вот уже нет его. Свет снова вспыхивает. Рабочие пожимают плечами: ну, да, одна из тех странностей, которыми так богат город под городом, — и снова принимаются за работу. Машины выворачивают землю, хороня за собой историю.

Потом, позже, изможденные рабочие возвращаются к себе в Чайнатаун, взбираются по лестнице в общую комнату и валяются на кровати как были, с запекшейся под ногтями грязью бессонного города. Они слишком устали, чтобы мыться, но, увы, недостаточно — чтобы видеть сны. Потому что сны — это тоже призраки, желания, на которые охотишься всю ночь, а поутру — раз, и пропали. Сонные желания влекут к себе мертвых, и уж чего-чего, а снов в этом городе предостаточно.

Парням снится музыкальная шкатулка и ее песенка — привет из давно ушедших времен.

День первый

«Милый мечтатель, узри же меня; звезды и росы заждались тебя...»¹

Песня проникает в кровь и утаскивает за собой в самые лучшие сны, какие им только доводилось видеть: в этих снах они над землей, в верхнем мире, богаты и знамениты — владельцы самых заманчивых благ в стране, благоволящей к владению. Майклу снится, что он управляет собственной строительной компанией. Патрику — ферма далеко за городом, полная лошадей. Сунь Ю видит, как возвращается в родную деревню состоятельным человеком; видит гордость на лицах родителей, которых он везет в прекрасную Америку, а с ними и жену для себя. Ну, да, жену — чтобы было с кем делить горести и радости здешней жизни. Вот она улыбается ему... какое милое лицо! А вон там, рядом с ней, — не его ли дети? Да! О, да! Счастливые сыновья и дочки встречают его вечером на пороге, тащат тапочки и трубку, кричат: «Баба!»² — просят сказку.

Сунь Ю тянется к самому младшему, и тут сон рассыпается золой. Перед ним только тоннельная тьма, совсем как сегодня днем. Сунь Ю зовет детей и слышит в ответ тихий плач — мочи нет слушать, так сердце и рвет.

— Не плачь, — утешает он.

Что-то вспыхивает во мгле. На мгновение вожденная семейная жизнь вновь оживает, словно Сунь Ю подглядывает за своим счастьем в замочную скважину. Кто-то из детей манит его пальчиком, улыбается...

— Помечтай со мной, — шепчет он.

Да. Я готов, думает Сунь Ю. И, отворив дверь, переступает порог.

Внутри холодно, так холодно, что Сунь Ю чувствует это даже во сне. Печка не горит — какой беспорядок. Он идет к ней и видит, что это вовсе даже не печка. Она дрожит и идет рябью, а за ней проступают старые

¹ «Прекрасная мечтательница» — популярный романс Стивена Фостера, впервые опубликованный в 1864 году. (Здесь и далее прим. переводчика.)

² Баба — кит. «папа, отец».

кирпичи, гнилые и выщербленные. На краю поля зрения мелькает крыса... останавливается на бегу, нюхает кучу костей.

В ужасе Сунь Ю поворачивается к своей семье — дети больше не улыбаются. Они стоят в ряд и смотрят на него немигающим взглядом.

— *Спимотрисонспотрисонтыдолженспать-спать...* — гудит детский хор, а у жены зубы такие острые и глаза горят, как уголья.

Его сердце решает зажить самостоятельно и бросается вскачь. Драться или спастись... Даже во сне это работает. Сунь Ю хочет проснуться, но сон его не пускает и гневается, что жертва пытается ускользнуть. Когда человек добегают до двери, та с грохотом захлопывается ему в лицо.

— *Ты обещал,* — рычит сон, голосом густым и низким, как целый хор демонов.

А шкатулочная песенка все играет. Последние хлопья штукатурки облетают с хорошенького фасада, и на смену вдвигается тьма.

Один за другим сновидцы начинают чувствовать спрятавшуюся за красивой маской опасность. Эти видения — ловушка! Пальцы у них деревенеют во сне, словно они пытаются дать сдачи затопяющему разум ужасу — ибо сну ведомы не только их желания, но и страхи. Он может заставить их видеть что угодно. Невыразимые кошмары теперь обступают парней — они бы закричали, если б смогли, да только поздно. Сон забрал их и хватки своей не отпустит. Никогда.

А тем временем на койках Мотт-стрит тела их безвольно обмякают. Но глаза за закрытыми веками продолжают панически метаться, пока людей затягивает в кошмар, от которого им уже не пробудиться — одного за другим, глубже и глубже...

День шестой

Разговор с мертвыми

Зимний ветер трепал разноцветные бумажные фонарики на карнизе «Чайного дома», что на Дойер-стрит. Лишь несколько человек задержались за трапезой в ресторане: тарелки давно чисты, тепло чашек с чаем не дает разомкнуть руки. Повара и официанты хлопотали кругом в надежде закончить наконец смену и предаться заслуженному отдыху за сигарой и несколькими партиями в маджонг.

В задней комнате ресторана семнадцатилетняя Лин Чань сквозь тиковую ширму сверлила взглядом засидевшихся клиентов, как будто могла одной только силой воли заставить мужчин расплатиться и убраться отсюда подобру-поздорову.

— Эта ночь никогда не кончится, — рядом внезапно возник Джордж Хуань — разумеется, с еще одним чайником с кухни.

Лет ему столько же, сколько и Лин, а статью он — что твоя борзая, такой же тощей.

— Можно же запереть дверь, — проворчала Лин.

— Чтобы твой папаша меня за это вышвырнул? — Джордж покачал головой и налил ей чаю.

— Спасибо.

Джордж пожал плечами и улыбнулся половиной лица.

— Не трать понапрасну силы, они тебе еще понадобятся.

Дверь отворилась, впуская в «Чайный дом» трех девиц; дыхание их стыло в воздухе белыми шлейфами.

— Это часом не Ли Фань Линь? — Джордж уставился на самую хорошенькую, с алыми губами и короткой, завитой на щипцы стрижкой.

Он машинально опустил чайник и пригладил рукой шевелюру.

— Джордж, не надо... — начала Лин, но он уже махал Ли Фань.

Лин тихонько выругалась, но та уже оставила подруг и плыла к ним мимо лакированных столиков и банок с папоротниками: подол ее расшитого стеклярусом платья так и мёл туда-сюда. Ли Фань гуляла с теми, кого мама Лин называла «прожигами», флаппершами¹ — ясное дело, без особого восхищения.

— Привет, Джорджи, привет, Лин. — Ли Фань села к ним.

Джордж цапнул с подноса чашку.

— Не желаешь ли чаю, Ли Фань?

— О, Джорджи, — расхохоталась она. — Давай ты будешь звать меня Лулу, ладно?

Имя она выбрала, конечно, в честь актрисы, Луизы Брукс — по мнению Лин, ужасный пафос; хуже только те, кто взял моду обниматься при встрече. Сама Лин принципиально не обнималась. Джордж уже наливал госте чай, украдкой кидая на нее взгляды. Лин доподлинно знала, что в «красавчиках» у Ли Фань недостатка нет, и уж кто-кто, а нескладный, усердный Джордж Хуань — не из тех, на кого она обычно кладет глаз. Эти мальчишки временами такие идиоты, и Джордж, увы, не исключение.

— Что ты сейчас читаешь? — Ли Фань притворилась, что ее живо интересует стопка библиотечных книг под рукой у Лин.

¹ Флапперша — на американском сленге 1920-х годов модница, тусовщица, продвинутая и эмансипированная молодая особа.

День шестой

— О способах отравления, так чтобы тебя не поймали, — пробурчала та.

Ли одну за другой изучила обложки: «Физика для студентов», «Азбука атомов», «Атомы и излучение».

— О-о-о, Джейк Марлоу, «Великий американец», — вцепилась она в последнюю.

— Он у Лин герой. Она мечтает когда-нибудь на него работать, — вместо непринужденного смеха у Джорджа вышло какое-то хрюканье.

Лин бы с удовольствием заметила, что хрюканьем девичье сердце не завоевать.

— Чего тебе надо, Ли Фань? — в лоб спросила она.

— Мне нужна твоя помощь, — девушка доверительно наклонилась к ней. — Мое синее платье куда-то делось.

Лин подняла бровь и подождала немного — вдруг та еще что-нибудь скажет.

— Тетя с дядей заказали мне его в Шанхае. Это мое самое лучшее платье, — сообщила Ли Фань.

Лин сделала очень терпеливое лицо.

— Ты хочешь сказать, что потеряла его во сне?

— Конечно, нет! — огрызнулась Ли Фань, бросая взгляд за спину, на стайку девиц, только что во фрунт не вытянувшихся, будто верная свита. — Но тут на днях Грейси была у меня, заходила послушать пластинки с джазом — а ты же знаешь, она вечно просит у меня что-нибудь поносить. И вот сидит она и ест глазами мое синее платье, а ведь оно ей все равно мало — с такими-то огромными плечами, как у нее. В общем, когда я вечером пошла его проверить, платья не было.

Ли Фань поправила шарфик, будто ничто на свете не волновало ее сейчас сильнее, чем беспорядок в туалете.

— Разумеется, Грейси утверждает, что его у нее нет, но я уверена, это она стибрила платье.

Широкоплечая Грейси Лэнь с непроницаемым видом разглядывала свои ногти.

— А от меня-то ты чего хочешь? — вздохнула Лин.